

Почему Кальман дважды женился на русской "Фиалке Монмартра"

Познакомил нас посол России в Берне Андрей Иванович Степанов. Хотя, если честно, я и сам сразу обратил внимание на элегантную даму в возрасте, которая появилась в нашем посольстве, чтобы послушать русские песни в исполнении ансамбля из Краснодара, отведать пирожков и потанцевать. Немолода, но сомнений не было: жизненный путь этой женщины усеян осколками разбитых мужских сердец.

Итак, я был представлен вдове знаменитого венгерского композитора, автора не сходящих до сих пор с театральных афиш оперетт Вере Кальман. Она любезно протянула мне ручку:

— Молодой человек, я говорю на десяти языках, так на каком же предпочитаете разговаривать вы?

— Неужели вы знаете русский? — Это мой родной язык. Только предложите мне руку, и давайте выйдем на веранду, а то я уже выпила три рюмки водки и, пожалуй, свежий воздух мне сейчас не помешает.

— Как вы очутились за пределами России?

— Мы с мамой были беженками. Через несколько лет после революции нам удалось выправить необходимые бумаги, мы уехали в Шанхай, затем перебрались в Париж. Там мама получила работу.

— Где же вы познакомились с Имре?

— Когда мне исполнилось 15

Вдова знаменитого композитора и сегодня так же весела, как героини его оперетт. А из всех напитков в свои немалые годы предпочитает наш национальный

лет, я стала танцевать в одном ревю, хотя профессионально танцам не училась. Но вы же знаете, мы, русские, очень талантливы! Вот с этой-то труппой я однажды и оказалась в Вене.

В свободные от выступлений вечера мы любили бывать в ресторане отеля "Сахар", где собирались знаменитые композиторы — Легар, Кальман, Оскар

Штраус и другие. Там-то однажды и подошел ко мне молодой человек, представившийся на немецком: "Моя имя Эмерих Кальман. Что я могу для вас сделать?" Это были самые прекрасные слова, которые я слышала в жизни.

— И что же вы ему ответили?

— Маэстро, — говорю ему, — у вас в Венском театре идет оперетка, и я хотела бы получить в

ней маленькую-маленькую роль. "Хорошо, — отвечал Имре. — Завтра я пришло за вами автомобиль с моим шофером и представлю директору театра". Так все и произошло. А поскольку я уже хорошо говорила по-французски, они дали мне роль маленькой кокетки.

Мы виделись каждый день на репетициях, но как-то Кальман подошел ко мне и говорит: "Верочка, я хочу пригласить вас сегодня на ужин и поговорить о вашем будущем. Вы аристократка, и я вижу, как вы страдаете в этой атмосфере".

Так мы стали большими друзьями. И наша привязанность друг к другу была чисто платонической. У Имре была подруга — графиня Эстергази, с которой он поддерживал отношения уже три-четыре года. Я об этом знала и однажды после репетиции сказала ему: "Имре, я больше так не могу. Я уеду, потому что здесь, в Вене, у вас есть большая любовь. Не хочу обречь себя на страдания".

— Имре согласился?

— Он сказал: "Верочка, Верушка (так он меня называл), вы такая красивая, я вас очень люблю".

Но я знала, что вечер накануне он провел с графиней, и сказала ему об этом. И вдруг Имре говорит: "Между нами все кончено, я об этом сказал ей вчера, — ответил Кальман. — Графиня снимается в кино. Я тоже артист. А двое артистов в семье —

это уже слишком. Хотя и это не главное. Просто мне нужны именно вы!"

Ну, конечно, тот вечер мы провели вместе. Да, так началась наша большая любовь, и мы были очень счастливы. У нас с Имре родилось трое детей. — Какое-то время вы жили в Америке?

— Мы вынуждены были уехать туда, когда к власти пришел Гитлер. И в Америке я увлеклась знаменитым писателем Эрихом Марией Ремарком. Он меня безумно любил, не скрывал этого. Короче, я развелась с Кальманом.

Увлечение — это ведь не навсегда, правда? И когда мы с Ремарком расстались, Имре пришел ко мне и сказал: "Верочка, я тебя всегда любил и люблю. Хочу снова на тебе жениться". Так мы снова стали мужем и женой. Вот весь мой роман.

— Говорят, что Кальман дарил вам свою музыку?

— Да, оперетта, в которой мне дали подружившую нас роль, называлась "Герцогиня из Чикаго". Потом он написал для меня и про меня "Фиалку Монмартра". А еще он писал для меня очень красивые песни. В повторном браке мы были очень счастливы, и дети постоянно находились с нами.

— Ваш аристократизм настолько естественен, что невозможно не спросить: кто же ваши родители?

— В девичестве я Макинская. Это мамина фамилия, а своего отца я никогда не знала. О нем я

знаю только то, что он происходил из знатного аристократического рода, кажется, даже из дома Романовых. Мама встретила его на балу и безумно в него влюбилась. В общем, случилось то, что случилось.

— Как сложилась жизнь у ваших детей?

— Старшая дочь умерла. Сын Чарли — композитор, не такой, конечно, как отец, но тоже талантливый. Он сделал глупость, не сменил в свое время фамилию. Когда приносит в театр свои работы, ему говорят: "Если Кальман, то Имре".

— Младшей дочери 38 лет, она импресарио. Организовала концерты Пласидо Доминго в Америке. Очень много делает для постановок оперетт своего отца. — С каким чувством вы просыпаетесь утром?

— Я прожила чудную жизнь и не устаю повторять: "Господи, спасибо тебе за все, что я имела". Помню времена, когда у меня не было даже приличных ботинок. И из этой нищеты я поднялась в другую жизнь, где все было большим: любовь, богатство, люди. Я одна из самых счастливых женщин на свете.

— Кстати, о богатстве: какие камни вы предпочитаете?

— Я люблю изумруды и, конечно, бриллианты. Имре дарил мне роскошные гарнитуры из драгоценных камней. Они сейчас хранятся в сейфе одного из швейцарских банков, хотя застрахованы у "Ллойда". Когда мне хочется что-нибудь надеть,

я звоню в банк, и мне доставляют фут вещицу, разумеется, под охраной.

— Заметил, что вам не чуждо гурманство...

— Люблю, знаете ли, русскую кухню, сама готовлю борщ, пекую пирожки.

— А в России вы наведывались?

— Однажды, еще при министерстве культуры Фурцевой. Екатерина Алексеевна пригласила меня в Москву и пыталась помочь в решении проблемы авторских прав — оперетты Кальмана и тогда, и сейчас идут практически каждый день. Но даже у Фурцевой ничего не вышло. Потому что чиновники уперлись: "Мы ничего не платим, поскольку СССР Международную конвенцию по авторским правам не подписывал".

Впрочем, мне ничего не нужно, у меня все есть. Я так и сказала: играйте и дальше Кальмана.

А теперь, молодой человек, проводите меня в зал. Хочу еще рюмочку водки выпить. И скажите, чтобы принесли пирожков с капустой. Уж больно хороши.

...Уходя в тот вечер из посольства, я снова увидел Веру Кальман. Она увлеченно вальсировала с молодым господином из числа наших соотечественников.

Интервью взял
Леонид ТИМОФЕЕВ.
(Наш соб. корр.).

Женева.

Комм. правда. — 1995. — 9 июля. — с. 7